

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.4.347-360

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОМАНТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т.Г. Ренц

trents@yandex.ru

*Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
г. Волжский, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению категории диалогичности и связанного с ней понятием диалога в романтическом дискурсе. Актуальность темы обусловлена продолжающимся ростом интереса к категории диалогичности в различных типах дискурса, в первую очередь тех, которые связаны с человеческими отношениями, а также значительным исследовательским потенциалом романтического дискурса. Вначале автор анализирует некоторые теоретические подходы к пониманию рассматриваемой категории, а также приводит ее трактовки в современной научной литературе. Основное внимание акцентируется на диалоге как форме активного коммуникативного взаимодействия субъектов, в результате чего образуется дискурс. Значительная часть статьи посвящена изучению сущности диалогичности в романтическом дискурсе, выявлению ее отличительных особенностей и характерных признаков диалогов, продуцируемых участниками романтического взаимодействия. Важным результатом проведенного исследования является обнаружение в романтическом дискурсе ряда специфических особенностей диалогичности, которые представлены в ее структуре, адресант-адресатных отношениях и характере взаимоотношений субъектов взаимодействия. На основе анализа установлено также, что эмотивность является категориальной характеристикой диалогичности в романтическом дискурсе. Доказано, что диалогические речевые жанры, используемые интерактантами, как правило, эмотивны, а отдельные реплики, эксплицирующие чувства и эмоции романтических партнеров, имеют эмоциогенный характер.

Ключевые слова: категория диалогичности, диалог, романтический дискурс, эмотивность, эмоциогенность.

Для цитирования: Ренц Т.Г. Диалогичность как категориальная характеристика романтического дискурса. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 4(3): 347–360.

DIALOGICALITY AS A CATEGORICAL CHARACTERISTIC OF ROMANTIC DISCOURSE

T.G. Rents

trents@yandex.ru

Volzhsky branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the category of dialogicality and the related concept of dialogue in romantic discourse. The relevance of the topic is due to the continuing growth of interest in the category of dialogicality in various types of discourse, primarily those

related to human relationships, as well as the significant research potential of romantic discourse. First, the author analyzes some theoretical approaches to understanding the category under consideration, and also provides its interpretation in modern scientific literature. The main attention is focused on dialogue as a form of active communicative interaction, resulting in the formation of a discourse. A significant part of the article is devoted to the study of the essence of dialogicity, its peculiarities and characteristic features of dialogues produced by participants in romantic interaction. An important result of the research is the discovery of a number of specific features of dialogicity, which are represented in its structure, addressee-addresser relations and the nature of relationships between interlocutors of interaction. Based on the analysis, it is also established that emotivity is a categorical characteristic of dialogicality in romantic discourse. It is proved that dialogic speech genres used by interactants are usually emotive, and individual replicas that express the feelings and emotions of romantic partners are of an emotionogenic character.

Keywords: category of dialogicality, dialogue, romantic discourse, emotivity of the dialogue.

For citation: Rents T.G. Dialogicality as a Categorical Characteristic of Romantic Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2020; 4(3): 347–360. (In Russ)

В исследовательский фокус современного коммуникативного пространства прочно вошла диалогичность как базовый феномен интерактивной коммуникации и интегральная категория дискурса. Особый интерес в этом плане представляют различные типы общения и, соответственно, различные типы дискурсов, в первую очередь те, которые непосредственно связаны с человеческими отношениями. Однако прояснение вопроса о коммуникативной роли диалога и специфике диалогического общения вообще и диалога в романтической коммуникации, в частности, невозможно без установления сущности данного феномена. Для внесения ясности в исследуемую тему обратимся для начала к ряду теоретических положений.

В отечественной научной литературе имеются работы, в которых диалогичность предстает философским принципом осмысления окружающего мира, а диалог трактуется в метафорической проекции (см. труды М. Бубера, Э. Левинаса, Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси и др.). Такая его интерпретация представляется неопределенной и максимально широкой. Как указывает Безменова Н.А., диалог «становится, по-видимому, центральной метафорой нашей цивилизации. Распространение ее таково, что практически вся социальная сфера пронизана диалогическими отношениями: диалог

культур, диалог политический, диалог межэтнический, диалог духовный» [4, с. 5]. Подобное понимание диалога, как мы видим, в меньшей степени имеет отношение к лингвистике; вероятно, его можно отнести к самым разнообразным проявлениям общественной деятельности, а сам диалог можно трактовать как любое социально значимое взаимодействие. Вместе с тем, такой подход служит расширению наших представлений о природе диалогизма.

В широком спектре учений о диалогичности особое место занимает признанная всеми концепция диалога, которая представлена в трудах М.М. Бахтина. Важная черта этой концепции заключается в том, что в ней совмещаются философское, литературоведческое и лингвистическое начала. Ученый полагал, что диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким-либо другим природным отношениям» [3, с. 303]. Его концепция в большей степени раскрывает эстетическую сторону диалогизма, причем акцент делается на полемический момент внутреннего содержания диалога. Диалогические отношения, по справедливому мнению М.М. Бахтина, являются «почти универсальным явлением, пронизывающим всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи – с ними можно только диалогизировать, общаться ...» [2, с. 92]. Именно это положение и было, собственно, подхвачено Э. Пульчинелли Орланди, который, предложив свое видение диалогичности, заметил, что «теперь не может быть и речи об одиночестве и бесконтрольности в речи: связь с «другим» все регулирует, все заполняет, все объясняет, будь то субъект или смысл» [7, с. 210]. Возвращаясь к идеям М.М. Бахтина о диалогичности, суммируя их, можно утверждать, что принципиальными для ученого являются следующие положения: «язык живет только в диалогическом общении пользующихся им; диалогическое общение есть подлинная сфера жизни языка; вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой,

научной, художественной и других) пронизана диалогическими отношениями» [2, с. 212]; любое речевое произведение диалогично, потому что оно кому-то адресовано, на что-то отвечает и включено в соответствующую речевую сферу; каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы) [2, с. 296]. Как следует из сказанного, эта концептуальная трактовка диалога свидетельствует о том, что не только общение, но и человеческое мышление, а также процесс понимания имеют диалогический характер. Сказанное позволяет говорить о выдвижении диалога в число ведущих коммуникативных категорий.

И, наконец, в отечественной науке большинство ученых придерживаются более узкого понимания диалога, трактуемого как *форма* или *вид* речи. Такая интерпретация превалирует практически во всех современных исследованиях дискурсивных практик. Мы разделяем точку зрения Т.Н. Колокольцевой и вслед за ней считаем диалог «формой активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик» [6, с. 129]. Принятие во внимание взаимоотношений субъектов речи, между которыми осуществляется разговор, выдвигает на первый план проблему *диалогичности*. Этот феномен обычно интерпретируется как «учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств» [5, с. 138]. Не будет преувеличением сказать, что в основе диалогичности лежит понимание диалога как весьма всеобъемлющего понятия. Данный аспект исключительно важен для нашего исследования, поскольку и диалог, и диалогичность находят свое воплощение в анализируемом типе дискурсе, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые особенности категории диалогичности в романтическом дискурсе. Объектом нашего внимания являются диалоги романтических партнеров в процессе

их взаимодействия в категориальных эмоциональных ситуациях. Романтический дискурс, под которым понимается личностно ориентированный дискурс, состоящий из множества кодифицированных знаков, продуцируемый партнерами в процессе общения, направленный на реализацию потребности любить и быть любимой(ым) и обслуживающий сферу романтических отношений [8, с. 173], несомненно, в высшей степени диалогичен. Он, как показывает наш анализ, являет собой сложноорганизованную целостную структуру, продукт совместной речевой деятельности участников романтического взаимодействия. В романтическом дискурсе диалог является не просто формой разговора, он представляет собой поле взаимного влияния субъектов, особое качество взаимодействия, при котором каждый из собеседников, имея собственную позицию и умея ее отстаивать, в то же время безгранично открыт к восприятию и пониманию смыслов и позиций Другого. Коммуницируя, адресант и адресат преследуют свои собственные цели, которые, как правило, ориентированы на партнера. По мнению Р. Якобсона, «каждый знак предполагает наличие интерпретатора» [10, с. 324], а это значит, что речевое взаимодействие в рассматриваемом типе общения возможно лишь потому, что в его пределах «Я» и «Ты» предполагают друг друга с абсолютной необходимостью. Добавим также, что рефлексия обоих участников в диалоге практически всегда совпадает: то, что представляет интерес для одного собеседника, как правило, значимо и крайне интересно для другого.

Для романтического дискурса принципиально значимым является строгая определенность адресата. Причем, по словам Р. Барта, «каждый может заполнить этот код в зависимости от своей личной истории» [1, с. 83]. Отмечая значимость собеседников друг для друга, еще раз подчеркнем, что в романтическом общении «фактор адресата» в диалоге играет принципиально важную роль, ввиду чего его дискурсивная деятельность становится определяющей, поскольку высказывания адресанта ориентированы на их интерпретацию адресатом. Иными словами, в диалоге можно наблюдать

прогнозируемый процесс – интерпретацию интерпретации, при которой адресант проецирует на собеседника воздействие своей речи и вырабатывает речевые стратегии с учетом «картины мира» адресата.

Проведенный анализ диалогов романтического дискурса, позволил выявить, что в нем наличествуют различные дискурсивные жанры. В наибольшей степени в нем представлены информативный и прескриптивный диалоги, диалог, осуществляемый с целью установления и / или регулирования межличностных отношений, диалог-обмен мыслями с целью принятия решения или выяснения истины, праздноречивый диалог (эмоциональное общение или интеллектуальная беседа) и т.д. [8]. Разумеется, они представлены самыми разнообразными средствами диалогизации, к которым традиционно относятся вопросно-ответные комплексы, разнообразные формы обращения, вводные и вставные конструкции, восклицания и др. Подтвердим сказанное примерами:

“I’m going to marry you, *Marianne*.”

She took his face in her hands and looked searchingly into his eyes. “*Are you sure, Tony?*” Her voice was gentle. “*There’s a problem, darling.*”

“*Your engagement?*”

“No. I’ll break it off. I’m concerned about your mother.”

“She has nothing to do with – “

“No. Let me finish, Tony. She is planning for you to marry Lucy Wyatt.”

“That’s her plan.” He took her in his arms again. “My plans are right here.”

“She’ll hate me, *Tony*. I don’t want that.”

“*Do you know what I want?*” Tony whispered [14, p. 299].

Цель данного диалога – урегулировать межличностные отношения. Вопросы как средство диалогичности, обладая сильным активизирующим воздействием на адресата, обеспечивают его повышенное внимание к беседе. Большинство структурно и содержательно обособленных реплик, как следует из примера, могут быть поняты только с учетом разворачивающейся ситуации и в единстве с другими репликами. Примечательно, что непосредственное восприятие высказываний партнеров обуславливает их языковой состав,

а полную информацию собеседники извлекают из совокупности всех реплик диалога и экстралингвистических факторов (жесты, паузы, интонация, особенности протекания диалога и др.), типичных для диалогической коммуникации. Добавим, что имеющее место повторение лексических и синтаксических единиц позволяет говорящему сконструировать высказывания более эффективным и менее затратным способом, высказываться в более свободной манере. В целом, можно утверждать, что задачей разнообразных диалогов в процессе романтического общения является создание поддерживающей атмосферы, в которой интенции коммуникантов направлены на взаимное принятие, свободное и открытое выражение своего мнения.

Принципиально значимой характеристикой диалогичности романтического дискурса, на наш взгляд, является эмотивность [9]. Мы придерживаемся мнения, что во взаимодействии, в основу которого положена эмоция любви, любые интеракции будут заряжены эмоциональностью. Более того, в каждую интеракцию включается эмотивный диалог, содержащий инициальные эмоциональные реплики говорящего, которые, в свою очередь, предполагают, как правило, ответные реактивные *эмоциональные* реплики слушающего. (Исключение составляют такие ситуации, когда адресат полностью игнорирует высказывания адресанта). Отсюда можно предположить, что диалоги в исследуемом типе дискурса имеют эмотиогенный характер, как и его реплики-стимулы и реплики-реакции.

Диалог, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств обоих участников взаимодействия. Что касается прагматики отдельных эмотивных высказываний собеседников, то она обусловлена их функционированием в сфере адресата, «ты»-сфере, наполненной эмоциями, оценками, взглядами говорящего на положение вещей, выражающими его отношение к собеседнику и к ситуации. Проследим, как реализуется диалогичность типа «Я – Ты» в следующем эмотивном диалоге:

“Joan?” asked Tom.

“What?” she turned to him, smiling.

“*I love you,*” he said in a gentle voice.

“*I love you too,*” said Joan, touching his face with tenderness and trust [15, p. 139].

Диалогическая речь осуществляется с учетом эмотивной реакции одного из коммуникантов на реплику другого, то есть, лингвистические (*I love you*) и экстралингвистические знаки (*a gentle voice*), актуализируемые говорящим, вызывают ответную реакцию слушающего, эксплицируемую аналогичными эмотивными знаками (*I love you too, touching his face with tenderness and trust*).

Наибольшая эмотивность, как показывает наше исследование, эксплицируется в речевых жанрах объяснения / признания в любви, которые являются непременным атрибутом романтического общения. Собственно диалог-признание – это эмоциональный акт речи, который репрезентируется в репликах участников романтического взаимодействия либо в прямой, либо в косвенной форме. Исключительно важен и необходим здесь учет адресата, поскольку именно ему адресован акт речи, он интерпретирует высказывание с целью дальнейшего определения собственных стратегий и тактик речевого и / или неречевого поведения. Показательным в этом плане является следующий пример: “Daniel, I must tell you something. I love you,” said Liz, her voice trembling with sincerity... “*I love you, like you love music,*” she replied.

“You can’t mean it,” he said, gravely.

“But, *I do mean it – every word,*” asserted Liz. “I’ve never felt this way about anyone in my life” [15, p.134].

Анализ коммуникативной ситуации показывает, что в диалог включаются два участника. Потребность одного из них заключается в совершении определенного речевого действия, в то время как другому необходимо отреагировать на действия собеседника. В описываемом примере функция речевого декларатива *I must tell you something* сводится к привлечению внимания адресата и созданию ожидания, предвкушения, что априори задает

установку на эмоциональное восприятие высказывания. Принимая на себя роль *Homo Amans* (человек любящий), адресант вербализует в диалоге свои чувства, используя конструкцию *I do mean it – every word* и интенсификатор *I’ve never felt this way about anyone in my life* с целью усиления. Приведенный диалог является ярким примером унисонного характера диалогичности, что проявляется в эмоциональных высказываниях обоих участников взаимодействия.

В ходе исследования было выявлено, что для эмотивных жанров признания в любви характерны реплики-запросы информации о чувствах собеседника, как, например, в приведенном ниже вопросно-ответном комплексе:

“*Do you love me?*” she whispered.

“*You know I do,*” he replied, kissing her gently.

“*Do you believe me, when I say those very same words to you?*” [12, p. 118].

Помимо этого, нами были обнаружены эмотивные диалоги-запросы с нарушением грамматических форм вопросительных предложений, что свидетельствует о спонтанности и неподготовленности речи. Редукция же вербальных знаков указывает на высокую степень эмоциональности говорящего, на экспрессивность и психологическую напряженность:

“...*And you? Love me too?*”

“*Yes, yes, you know I do*” [16, p. 132].

Проанализированный нами материал показал, что к средствам прямого способа признания в любви относятся высказывания, организуемые вокруг лексем *love*: *You are my true love; I can’t help loving you; I am in love with you; You are my love absolutely* и др.

Что касается непрямого способа экспликации собственных чувств в диалогах-признаниях, то он актуализируется по семантической смежности, например: “*I’m wild about you, Cecil. You’re so beautiful. I need you so much in my life,*” whispered George and kissed each finger that intertwined with his. “*Will you marry me?*” [13, p. 114].

Ранее указывалось, что диалог предполагает вербализацию партнером ответных чувств принципиально важна, поскольку Homo Amans принимает язык как «единственную и последнюю бесспорную данность». И далее: «влюбленный, не говорящий я-тебя-люблю, обречен испускать множественные, недоверчивые, скупые знаки любви, ее индексы, “доказательства”: жесты, взгляды, вздохи, намеки, иносказания; он должен позволить себя *интерпретировать*; над ним властвует противодействующая инстанция любовных знаков, он отчужден в мире рабского языка, *поскольку он не говорит всего*» [1, с. 161, 419].

Подробнее следует остановиться на такой особенности категории диалогичности, непосредственно связанной с эмотивностью в романтическом дискурсе, как высокая степень аффилиации. Последняя понимается как осознание партнерами общности потребностей и целей в создании теплых / нежных, доверительных отношений, обмен значимыми мыслями, а также чувствами и эмоциями на основе веры в партнера. Проявляясь в эмотивном диалоге, аффилиация способствует обособлению конкретной пары от остальных, ее замкнутости «на себя» не только и не столько в физическом плане, сколько в речевом. В языке каждой пары появляются «вторые смыслы», то есть определенные коды, позволяющим двум индивидам строить свои диалоги только на понятном *им* языке. К таким «кодовым» средствам диалогичности можно отнести, например, эмотивно-экспрессивные имена: *duckie, pet, angel, Honeybee, Funny Hunny* и др. «Зараженные» экспрессией обожания и восторга, они интимизируют романтическое общение в целом. Добавим также, что присущая диалогу романтических партнеров интимизация достигается за счет использования различных форм субъективной модальности: многочисленных и разнообразных комплиментов, оценочных высказываний, речевых актов, демонстрирующих симпатию к собеседнику и позитивный настрой и проч. Проиллюстрируем сказанное примерами: “My God, *you belong to the Louvre*,” George Mellis said [14, p. 361–362]. “God, *you are lovely*. You – I don’t know what to say, *you are so beautiful*.” “*You’re the cleverest little germ isolator*

I know.” Chad pattered her head consolingly [11, p. 46]. Говорящий, манифестирующий особую субъективную модальность посредством подобных реплик, в глазах адресата становится не просто безликим источником определенной информации, а личностью, чьи чувства, эмоции и мнения не менее важны для адресата, чем заложенная в них объективная эмоциональная информация. Прагматика таких высказываний переплетается с категорией диалогичности и реализуется посредством воздействия на адресата с целью изменения его эмоционально-смыслового поля.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения. Феномен диалогичности является категориальным признаком романтического дискурса, он уникально репрезентирован в его структуре и имеет свою специфику. Актуализированные в романтическом дискурсе разнообразные жанры диалогов ориентированы, прежде всего, на создание поддерживающей атмосферы, в которой коммуниканты ощущают взаимное принятие, могут открыто выражать свои эмоции и чувства. Категорию диалогичности в исследуемом типе дискурса отличает исключительная направленность на адресата, его строгая определенность. Эмотивность – основная характеристика романтического дискурса. Она эксплицируется в эмотивных высказываниях участников романтического взаимодействия, и, как и эмоциогенность, может быть обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Диалог в романтическом общении идеально ориентирован на достижение взаимопонимания собеседников, согласия и гармонии целей, базирующихся на условии искренности и доверительности.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 2002. 432 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Санкт-Петербург: Азбука, 2015. 412 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

4. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Н.А. Безменова. М., 1991. 159 с.
5. *Кожина М.Н.* Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка. XVIII-XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998. С. 124–166.
6. *Колокольцева Т.Н.* Диалог и диалогичность в интернет-коммуникации. Волгоград: Известия ВГСПУ, 2011. С. 128–133.
7. *Пульчинелли Орланди Э.* К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанов. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 197–224.
8. *Ренц Т.Г.* Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 392 с.
9. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
10. *Якобсон Р.* Вопросы поэтики // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
11. *Arnold F.H.* Not My Will. Chicago: Moody Press. 1981. 334 p.
12. *Goodman M.* Last Chance. Richmond, Surrey: Mills & Boon. 1992. 340 p.
13. *Petersen D.* Tell Me Your Name. Richmond, Surrey: Mills & Boon Modern Romance. 1998. 196 p.
14. *Sheldon S.* Master of the Game. NY. Boston. Warner Brothers. 2001. 495 p.
15. *White D.* Between North and South. Thorndike Press. 2004. 196 p.
16. *White M.* Spring Song. Thorndike Press. 1998. 196 p.

References

1. *Bart R.* (2002). A Lover's Discourse: Fragments. Moscow: Ad Marginem, 432 p. (In Russian)

2. *Bakhtin M.M.* (2015). Problems of Dostoevsky's Poetics. Sankt-Peterburg: Azbuka. 412 p. (In Russian)
3. *Bakhtin M.M.* (1986). The Aesthetics of Verbal Creativity. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 445 p. (In Russian)
4. Dialogue: Theoretical Problems and Research Methods: Collection of scientific and analytical reviews. Executive editor N.A. Bezmenova. Moscow. 159 p. (In Russian)
5. *Kozhina M.N.* (1998). Dialogicality as a categorical feature of a written scientific text // Essays on the scientific style of the Russian literary language. XVIII-XX centuries. Vol. 2. Stylistics of the scientific text (general parameters). Ch. 2. Categories of scientific text: functional and stylistic aspect. Perm Pp. 124–166. (In Russian)
6. *Kolokol'tseva T.N.* (2011). Dialogue and Dialogicality in the Internet Communication. Volgograd: Izvestiya VGSPU. Pp. 128–133. (In Russian)
7. *Pul'chinelli Orlandi E.* (2002). To the issue of the method and object of discourse analysis // Squaring Meaning: French School of Discourse Analysis: Transl. from Fr. / Common ed. and entered. Art. P. Series; foreword Yu.S. Stepanov. Moscow, OAO IG Progress. Pp. 197–224. (In Russian)
8. *Rents T.G.* (2011). Romantic communication in the communicative-semiotic aspect: monograph. Volgograd, Izd-vo VolGU. 392 p. (In Russian)
9. *Shakhovskii V.I.* (2008). Linguistic Theory of Emotions: monograph. M.: Gnozis. 416 p. (In Russian)
10. *Yakobson R.* (1987). Linguistics and Poetics. Raboty po poetike. M.: Progress. 464 p. (In Russian)
11. *Arnold F.H.* (1981). Not My Will. Chicago: Moody Press. 334 p. (In English)
12. *Goodman M.* (1992). Last Chance. Richmond, Surrey: Mills & Boon. 340 p. (In English)
13. *Petersen D.* (1998). Tell Me Your Name. Richmond, Surrey: Mills & Boon Modern Romance. 196 p. (In English)

14. *Sheldon S.* (2001). *Master of the Game*. NY. Boston. Warner Brothers. 495 p. (In English)
15. *White D.* (2004). *Between North and South*. Thorndike Press. 196 p. (In English)
16. *White M.* (1998). *Spring Song*. Thorndike Press. 196 p. (In English)

Авторы публикации

Rents Tatiana Gavrilovna –
Doctor of Philology, Associate Professor
Volzhsky branch of the Volgograd
State University
Volzhsky, Russia
E-mail: trents@yandex.ru

Authors of the publication

Ренц Татьяна Гавриловна –
доктор филологических наук, доцент
Волжский филиал Волгоградского
государственного университета
Волжский, Россия
E-mail: trents@yandex.ru